

АЛЕКСАНДР КУШНЕР

избранное

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
К96

Составление и предисловие *Александра Кушнера*
Иллюстрация на обложке *Виктории Давлетбаевой*

Кушнер, Александр Семенович.
К96 Избранное / Александр Кушнер. — Москва :
Эксмо, 2023. — 400 с.
ISBN 978-5-04-154159-0

Александр Кушнер — «один из лучших лирических поэтов XX века, и его имени суждено стоять в ряду имён, дорогих сердцу всякого, чей родной язык русский» (И. Бродский). Творческая жизнь поэта отдана поэзии со всей полнотой подлинного таланта, искренности и любви к этому роду литературы и невозможности не быть преданным ему.

«Любовь к стихам делает человека счастливей тех, кто к ним равнодушен», — пишет в предисловии к этой книге Александр Кушнер.

Перед вами избранное поэта за шесть десятилетий поэтического пути, автора более 50 поэтических книг, лауреата многих литературных премий, в том числе Государственной Пушкинской премии (2001) Российской национальной премии «Поэт» (2005).

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Кушнер А.С., 2023
© Оформление.
ISBN 978-5-04-154159-0 ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга выходит к моему 85-летию. За свою жизнь я написал очень много стихов, но это и понятно: мне было даровано долголетие. К 30, 40, 50 годам я написал не так уж много по сравнению с нашими великими поэтами, но первая моя книга, — она и называлась «Первое впечатление», — вышла в 1962 году, и за шесть десятилетий стихов написано столько, что собрать их все в одной книге невозможно.

Сочинение стихов, преданность им, постоянная работа над стихами — это мой образ жизни. Первое свое стихотворение я написал в девять или десять лет, — точно уже не помню. Думаю, что поэтический дар — врожденный дар. То же самое может о себе сказать и композитор, и художник, и прозаик...

Собрать книгу избранных стихов — нелегкая задача, нелегкая потому, что очень трудно сделать выбор: вот это стихотворение возьму в книгу, а то не возьму. Почему? Ведь оно как будто ничем не

хуже. Вот и медлю, сомневаюсь, пребываю в нерешительности — и эту неуверенность испытываю всякий раз, собирая новую книгу избранных стихов. Такие сомнения, колебания неизбежны, — ведь объем книги ограничен и не позволяет включить и то стихотворение, и это... И большие, т.е. длинные стихотворения тоже приходится откладывать в сторону: слишком много занимают места. Мне может нравиться какое-то стихотворение, а читателю, возможно, пришлось бы по душе другое. Ничего не поделаешь, с этим приходится смириться. И здесь спешит на помощь вот какое соображение: пишу я стихи все-таки не для воображаемого, смутно представимого читателя, а прежде всего — для себя. И этот счастливый труд за письменным столом доставляет мне радость. «И как нашел я друга в поколенье, Читателя найду в потомстве я», — сказал в стихах Евгений Баратынский, который никогда не поддаживался под чужое мнение, — и это его высказывание помогает мне довериться прежде всего собственному ощущению и, между прочим, включить в книгу не только ясные, понятные с первого прочтения, но и сложные стихи, читать которые надо медленно и вдумчиво. Назову одно из таких стихотворений: «Я посетил приют холодный твой

вблизи...», посвященное как раз ему, Баратынскому. И замечу при этом, что без оглядки на любимых поэтов (Батюшков, Пушкин, Баратынский, Лермонтов и т.д., и Пастернак, конечно, и Мандельштам, и Заболоцкий...), без опоры на великую традицию сказать в стихах что-то новое, не сказанное до тебя, вообще невозможно. На голом месте стихи не растут.

Любовь к стихам делает человека счастливей тех, кто к ним равнодушен. Читайте стихи своим детям (сначала детские — К. Чуковский, С. Маршак и др., потом — Пушкина, Фета, Некрасова, Блока...) — это отвлечет их от компьютерных игр и бессмыслицы.

В предыдущей фразе я сказал о счастье — попробую объяснить, что я подразумеваю, какой смысл вкладываю в это слово. Оглядываясь назад, вспоминая прожитую жизнь, я вижу, что должен быть благодарен своей судьбе, своим родителям, своим друзьям, своей стране, своему городу, в котором родился и прожил всю жизнь. И родной природе, и книгам, стоящим у меня на полке, и мировому искусству, и другим странам, в которых посчастливилось побывать, и любимому человеку — той, без которой своей жизни не могу представить.

Разумеется, жизнь не сводится к радости и счастью, горя и тьмы в ней тоже хватает, — не буду объяснять, что я имею в виду, говоря о тьме, — читатель всё это поймет не из предисловия, без которого можно было бы и обойтись, а из моих стихов. Вот лишь один пример: «А вы поэт какого века? Подумав, я сказал, что прошлого. Он пострашнее печенег, Но, может быть, в нем меньше пошлого. И, приглядевшись к новым ценникам, Шагнул под сень того сельмага, Где стану младшим современником Ахматовой и Пастернака...». Только прошу не понимать эти строки буквально: ведь это стихи, а в стихах не бывает окончательных и однозначных утверждений, и новый век в действительности не хуже прошлого, а если вспомнить судьбу той же Ахматовой или Пастернака, и «миллионы убитых задёшево» (Мандельштам), то придется сказать со всей ответственностью, по совести: по сравнению с двадцатым, новый век, — в России, во всяком случае, — при всех его изъянах и трещинах, и легче и лучше, пока — во всяком случае.

И поэзия, хотя нам и кажется сегодня, что она отодвинута на задворки, никуда не денется, останется при нас. Русский язык с его падежными окончаниями, свободным порядком слов в предложении

(«Редает облаков летучая гряда»), полными и краткими прилагательными, длинными и короткими словами, ударением, которое в одних словах падает на первый, в других на второй, третий, любой слог, — всех чудесных особенностей языка не перечислить, кажется мне как будто нарочно созданным для стихов.

Надеюсь, что моя книга, наряду с другими, изданными или готовящимися к изданию в серии «Собрание больших поэтов» в издательстве «Эксмо», не разочарует читателя, подтвердит это мое сокровенное убеждение.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

«Первое впечатление», 1962

* * *

Когда я очень затоскую,
Достану книжку записную,
И вот ни крикнуть, ни вздохнуть –
Я позвоню кому-нибудь.
О голоса моих знакомых!
Спасибо вам, спасибо вам
За то, что вы бывали дома
По непробудным вечерам,
За то, что в трудном переплете
Любви и горя своего
Вы забывали, как живете,
Вы говорили: «Ничего».
И за обычными словами
Была такая доброта,
Как будто Бог стоял за вами
И вам подсказывал тогда.

ВВОДНЫЕ СЛОВА

Возьмите вводные слова.
От них кружится голова,
Они мешают суть сберечь
И замедляют нашу речь.
И все ж удобны потому,
Что выдают легко другим,
Как мы относимся к тому,
О чем, смущаясь, говорим.
Мне скажут: «К счастью...»

И потом

Пусть что угодно говорят,
Я слушаю с открытым ртом
И радуюсь всему подряд.
Меня, как всех, не раз, не два
Спасали вводные слова,
И чаще прочих среди них
Слова «во-первых, во-вторых».
Они, начав издалека,
Давали повод не спеша
Собраться с мыслями, пока
Бог знает где была душа.

* * *

А. Битову

Два мальчика, два тихих обормотика,
ни свитера,
ни плащика,
ни зонтика,
ПОД ДОЖДИЧКОМ
на досточке
качаются,
а песенки у них уже кончаются,
Что завтра? Понедельник или пятница?
Им кажется, что долго детство тянется.
Поднимется один,
другой опустится.
К плечу прибилась бабочка
капустница.
Качаются весь день с утра и до ночи.
Ни горя,
ни любви,
ни мелкой сволочи.
Всё в будущем,
за морем одуванчиков.
Мне кажется, что я — один из мальчиков.

РИСУНОК

Ни царств, ушедших в сумрак,
Ни одного царя –
Ассирия! – рисунок
Один запомнил я.

Там злые ассирийцы
При копьях и щитах
Плывут вдоль всей страницы
На бычьих пузырях.

Так чудно плыть без лодки!
И брызги не видны,
И плоские бородки
Касаются волны.

Так весело со всеми
Качаться на волне.
«Эй, воин в остром шлеме,
Не страшно на войне?»

Эй, воин в остром шлеме,
Останешься на дне!»
Но воин в остром шлеме
Не отвечает мне.

Совсем о них забуду.
Бог весть в каком году
Я в хламе рыться буду –
Учебник тот найду

В картонном переплете.
И плеск услышу в нем.
«Вы всё еще плывете?» –
«Мы всё еще плывем!»

ГРАФИН

Вода в графине — чудо из чудес,
Прозрачный шар, задержанный в паденье!
Откуда он? Как очутился здесь?
На столике, в огромном учрежденье?
Какие предрассветные сады
Забыли мы и помним до сих пор мы?
И счастлив я способностью воды
Покорно повторять чужие формы.
А сам графин плавает из пустоты,
Как призрак льдин, растаявших однажды,
Как воплощенье горестной мечты
Несчастных тех, что умерли от жажды.
Что делать мне? Отпить один глоток,
Подняв стакан? И чувствовать при этом,
Как подступает к сердцу холодок
Невыносимой жалости к предметам?
Когда сотрудница заговорит со мной,
Вздохну, но это не ее заслуга.
Разделены невидимой стеной,
Вода и воздух смотрят друг на друга.